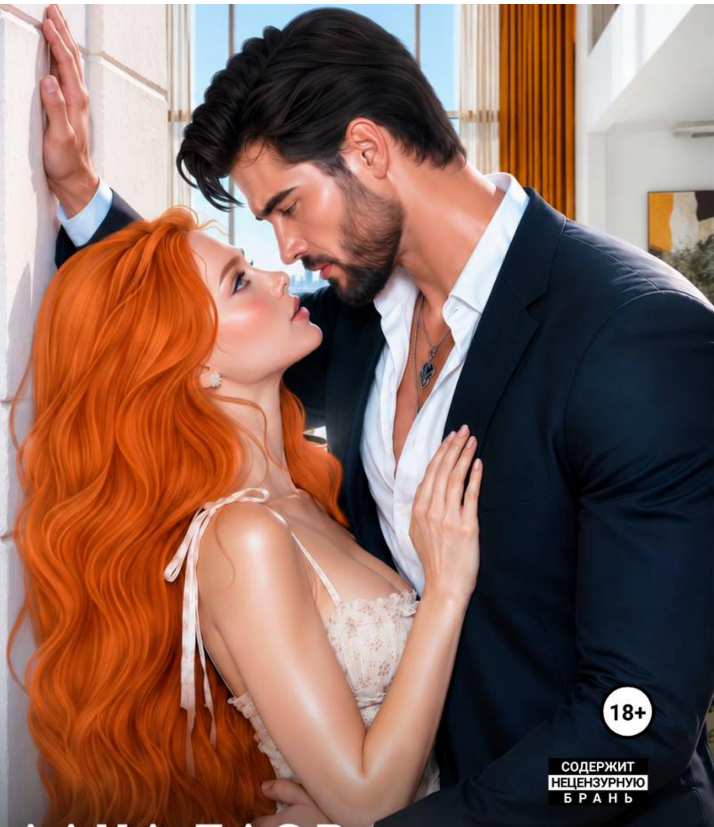

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛАНА БЛЭР

ТОЛЬКО ТЫ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Лана Блэр
Только ты
Серия «Вернуть нас», книга 2

<https://litres.ru/74646723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почти десять лет Гордей даже не подозревал, что у него есть сын, а теперь, когда правда наконец открылась, он намерен наверстать упущенное и вернуть женщину, которую так и не смог забыть.

Азалия решилась на развод, и у них впервые появился шанс быть вместе. Но расставание с мужем грозит обернуться настоящей борьбой, а тайны прошлого способны разрушить их будущее. Смогут ли они преодолеть все препятствия и наконец обрести счастье, которого были лишены столько лет?

Содержание

Глава 1	4
1.1	10
1.2	19
Глава 2	24
2.1	29
2.2	34
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лана Блэр

Только ты

Глава 1

Азалия

Дура! Дура! Дура!

Какая же я дура, что оставила документы на столе!

Чашки в моих руках дрожат, чай выплескивается на блюдце, но я замечаю это только потому, что горячая капля попадает на палец. Сердце грохочет где-то в горле, и несколько секунд я просто стою у входа в гостиную, не представляя, что теперь делать.

Гордей смотрит на меня. Свидетельство о рождении Фе-ди все еще в его руке. Взгляд тяжелый, растерянный, и я впервые вижу его таким. Обычно он умеет сохранять спокойствие даже тогда, когда остальные давно его потеряли. Сейчас от привычной уверенности почти ничего не осталось.

Я столько раз боялась этого разговора, что успела поверить: если откладывать его достаточно долго, однажды необходимость говорить исчезнет сама.

Не исчезла.

– Федя мой сын, – повторяет Гордей.

В первый раз эти слова прозвучали почти как вывод, к

которому он пришел сам. Сейчас в них появляется вопрос, хотя формулировка остается прежней.

— Да, — выдыхаю сдавленно и тихо.

Слово дается тяжело, но после него становится немного легче дышать. Наверное, потому что теперь уже ничего нельзя изменить. Почти десять лет я знала, что однажды Гордей может задать мне этот вопрос, и столько же времени надеялась, что этого никогда не произойдет. Теперь он знает правду, и обратно ее уже не спрячешь.

Гордей опускает взгляд на свидетельство, затем аккуратно кладет документ на стол.

Пальцы начинает сводить. Только сейчас замечаю, как сильно прижимаю их к нижней стороне блюда, на которых стоят чашки. Пытаюсь немного ослабить хватку, но кисти уже ноют от напряжения.

Я представляла этот момент много раз, особенно в первые годы после рождения Феди. Иногда думала, что просто позвоню Гордею и скажу все сразу, пока не успела испугаться. Несколько раз даже находила его номер и долго смотрела на экран, убеждая себя нажать на вызов. Потом Федя подрос, Гордей оставался далеко, а у меня появилась жизнь, в которой для этой правды с каждым годом находилось все меньше места.

В какой-то момент я перестала представлять сам разговор. Решила, что его просто не будет.

Глупо, знаю.

Правда вообще редко интересуется тем, насколько удобно ей появляться в чужой жизни.

– Почему ты мне не сказала?

Я знала, что он спросит, но все равно оказываюсь не готова.

Пальцы сводит сильнее. Я ставлю блюдца с чашками на стол, пока действительно не уронила их, и несколько раз сжимаю и разжимаю ладони, пытаюсь избавиться от неприятного онемения.

– Гордей...

– Почему, Аза?

В его голосе нет прежней растерянности. Шок никуда не делся, я вижу его в застывшем взгляде и напряженных плечах, но теперь рядом с ним появляется злость.

И боль.

– Я-я-я... – тяну, не понимая, как обо всем рассказать. – Я не могу объяснить это в двух словах.

– У тебя было почти десять лет, чтобы подобрать больше двух, – тихо и сипло произносит он.

Гордей делает шаг ко мне, и я машинально отступаю. Даже не успеваю понять, что делаю, пока не замечаю, как он замирает.

Черт.

Он смотрит на меня, потом его взгляд опускается к царапине на щеке и задерживается на разбитой губе. Понимаю, о чем именно он сейчас подумал.

В пятницу Артем ударил меня. С тех пор прошло всего несколько дней, а я до сих пор невольно напрягаюсь от резких движений рядом. Мужчина делает шаг в мою сторону – и я уже отступаю, хотя прекрасно знаю, что Гордей меня не тронет.

От этого становится не по себе.

Гордей больше не двигается. Даже руки оставляет опущенными, словно боится сделать еще что-нибудь, что заставит меня снова отступить.

Мне хочется сказать, что я не боюсь его, что дело вообще не в нем. Но любые оправдания сейчас прозвучат только хуже, поэтому я молчу.

– Я не хотел тебя напугать, – говорит он спустя несколько секунд.

– Ты не напугал.

Оба понимаем, что это не совсем правда, но спорить Гордей не начинает.

Он отворачивается и подходит к окну. Проводит ладонью по затылку, какое-то время смотрит на улицу, а я наконец заставляю себя оторваться от пола. Сажусь на край дивана и сцепляю пальцы, чтобы он не видел, как они дрожат.

Мне всегда казалось, что если Гордей когда-нибудь узнает, то разозлится. В некоторых придуманных разговорах он обвинял меня, в других молча уходил, а однажды воображение вообще услужливо нарисовало совершенно невозможную картину, где он спокойно принимает мое объяснение и

говорит, что понимает.

Сейчас я впервые осознаю, что во всех этих фантазиях думала только о собственной реакции, о том, как будет страшно мне.

Как будто мужчина, которому сообщают, что у него девятилетний сын, должен был остаться всего лишь вторым участником моего кошмара.

– Кто еще знает? – спрашивает Гордей.

Голос звучит напряженно, и я поднимаю голову, встречаясь с ним взглядом.

– Влада, – отвечаю тихо.

Его брови едва заметно сходятся к переносице. Мелкая дрожь все еще пробегает по пальцам, поэтому я сильнее сцепляю их между собой, стараясь хотя бы так ее унять.

– Мстислав?

– Нет.

Гордей выдерживает короткую паузу, прежде чем задать следующий вопрос:

– Владимир Сергеевич?

– Тоже нет, – поджав губы, верчу головой.

На секунду в его глазах мелькает удивление. Гордей прекрасно знает, насколько мы близки с папой и братом, поэтому мой ответ наверняка кажется ему странным.

Иногда я и сама удивляюсь, что за столько лет ни один из них ничего не заподозрил. Особенно Мстислав, который обычно замечает любые перемены в моем настроении и ле-

зет с вопросами, пока не получит ответ.

С Владой все получилось иначе. Ей я рассказала почти сразу и ни разу об этом не пожалела. Она хранила мою тайну все эти годы и никогда не пыталась заставить меня рассказать остальным.

Гордей некоторое время молчит. По напряженному лицу понимаю, что он перебирает в голове тех, кто еще мог знать, и следующий вопрос заставляет меня задержать дыхание.

– Артем знает?

1.1

Внутри все неприятно скручивается, а напряжение в плечах становится почти болезненным. Опускаю взгляд и несколько секунд рассматриваю собственные пальцы, прежде чем заставляю себя ответить:

– Да.

Тишина затягивается. Поднимаю глаза. Гордей не двигается, только смотрит на меня, ожидая продолжения. И по тому, насколько неподвижным стало его лицо, понимаю: одного короткого ответа ему уже недостаточно.

– Он знал еще до свадьбы, – поясняю, прочистив горло.

Несколько секунд Гордей смотрит на меня так, будто не уверен, что правильно услышал.

– Он знал, что... Федя мой сын? – проговаривает он последние слова с трудом.

– Да, – киваю, сглотнув.

Выражение его лица меняется. До этого я видела злость, но теперь она становится почти осязаемой. Гордей резко отворачивается, проводит ладонью по лицу и тихо ругается себе под нос. Несколько секунд стоит ко мне спиной, и я замечаю, как напряжены его плечи. Медленно повернувшись, он хмурится и шумно выдыхает.

– Получается, твой муж девять лет знает, что у меня есть сын. Влада знает. Ты знаешь, – он ненадолго замолкает, и

последние слова произносит уже тише. – И единственный человек, которому почему-то не нужно было знать – это я.

Я чувствую, как напрягается все тело. Даже челюсть сводит от того, с какой силой стискиваю зубы. От его тона внутри начинает подниматься раздражение. Я понимаю, что он имеет право злиться. Но сейчас его слова звучат так, словно все эти девять лет я спокойно жила с этой тайной и ни разу не задумывалась о том, что делаю.

– Я не говорила, что тебе не нужно было знать.

– Зато сделала именно так.

Поднимаю на него взгляд и сдвигаю брови у переносицы.

– Что?

– Девять лет, Аза, – Гордей смотрит на меня в упор. – Ты девять лет решала за меня, знать мне о собственном сыне или нет.

– Ты понятия не имеешь, как все было.

– Так расскажи! – резко выпаливает он.

Вздрагиваю, и по спине тут же проходит мелкая дрожь. Гордей замечает, на какое-то время прикрывает глаза и шумно выдыхает, но отступать от разговора явно не собирается.

– Расскажи мне. Я пытаюсь понять, что произошло. Почему Артем знал до свадьбы? Почему Влада знала? Почему ты ни разу мне не сказала?

– Потому что все не так просто! – не выдерживаю и повышаю тон.

– А я и не жду, что будет просто!

– Тогда перестань разговаривать со мной так, словно я специально решила вычеркнуть тебя из жизни Феди!

– А как мне с тобой разговаривать? – Голос Гордея становится громче. – Я узнал, что у меня девять лет есть сын!

– Я понимаю!

– А мне кажется, ты вообще не понимаешь, что это значит!

Злость вспыхивает мгновенно.

– Не понимаю? – резко поднимаюсь с дивана. – Я девять лет его растила, Гордей!

– Я говорю о себе!

– А я сейчас не могу думать только о тебе!

Тяжело дышу, пытаюсь успокоиться, но злость уже смешалась со страхом, а вместе с ними поднимается старая обида, которую я считала давно пережитой.

– Ты хочешь знать, почему я тебе не сказала? – спрашиваю тише. – Хорошо. Тогда для начала вспомни, чем закончилась наша единственная ночь.

– Азалия...

– Мне было девятнадцать. Я была влюблена в тебя столько лет, что даже не помнила себя без этого чувства. А утром ты сказал, что мы совершили ошибку. Велел забыть, а потом уехал. О беременности я узнала, когда тебя уже не было в стране. Как ты думаешь, что я должна была сделать?

– Сказать мне, – тут же отвечает он.

– Конечно, – горько усмехаюсь.

– Да, черт возьми! Сказать мне! – снова повышает голос Гордей.

– И что было бы дальше?

– Не знаю!

– Вот именно!

– Но у меня хотя бы был бы выбор!

Последняя фраза заставляет меня замолчать. Гордей тоже ничего больше не говорит. Я смотрю на него и впервые за весь разговор не нахожу, чем ответить, потому что это правда.

Какими бы ни были мои причины, выбор я действительно сделала за него.

Осознание неприятное, почти болезненное, и мне хочется тут же найти оправдание. Напомнить ему, как он оттолкнул меня, а потом уехал. Что к тому моменту, когда я узнала о беременности, его уже не было в стране. Я осталась одна, напуганная и совершенно не представляющая, что делать дальше, а рядом оказался Артем, который знал правду и предложил помощь.

Все это правда.

Только правда редко бывает удобной настолько, чтобы одна ее часть отменяла другую.

– Я расскажу тебе, Гордей, – говорю тихо и обнимаю себя руками, пытаясь унять дрожь. – Обещаю. Но не сегодня.

– Почему не сегодня?

– Потому что я больше не могу. За последние несколько

дней моя жизнь перевернулась с ног на голову. Артем ударил меня, я решила разводиться, начала собирать документы и думать, как сделать так, чтобы он не смог использовать Федю против меня. А теперь ты стоишь посреди моей гостиной и требуешь за один вечер рассказать тебе десять лет моей жизни. Я не могу, Гордей. Просто не могу.

Он долго смотрит на меня. Злость остается, но теперь я снова замечаю за ней ту растерянность, которая была у него в самом начале.

– Мне тоже сейчас не особенно легко.

– Я знаю.

– Не думаю, – Гордей собирается сказать что-то еще, но я больше не хочу ничего слышать.

– Уходи.

– Что? – нахмурившись, переспрашивает он.

– Я хочу, чтобы ты ушел.

– Мы не закончили, Азалия.

– На сегодня закончили. Пожалуйста.

Последнее слово останавливает его лучше повышенного тона.

Гордей молчит еще несколько секунд, потом медленно кивает. Он идет в сторону прихожей, я остаюсь возле дивана. Тело начинает бить крупная дрожь, и кажется, что, если сделаю хотя бы несколько шагов следом, ноги просто не выдержат.

Остановившись в дверном проеме, Гордей оборачивается.

– Я уйду. Но ты же понимаешь, что на этом ничего не закончится?

– Понимаю.

– Мне нужно знать все.

– Я расскажу, – обещаю ему.

– И еще одно. Я ничего не скажу Феде без тебя.

Напряжение, которое я до этого почти не замечала, немного отпускает.

– Спасибо.

Гордей кивает. Кажется, что он хочет добавить что-то еще, но в итоге просто скрывается в прихожей. А затем я слышу, как открывается дверь.

– Я напишу завтра, – предупреждает он, прежде чем уйти.

Опустившись на пол прямо возле дивана, прижимаюсь спиной к его краю и закрываю лицо ладонями. Первый всхлип получается тихим. Второй уже не удастся сдержать, а через несколько секунд я плачу так, что начинает не хватать воздуха.

Наверное, я слишком долго держалась последние годы.

На работе нельзя показывать слабость. Там я финансовый директор, который должен принимать решения, отвечать за цифры и сохранять спокойствие, даже когда все вокруг начинают нервничать. Дома есть Федя, которому совершенно не нужно видеть наши с Артемом ссоры и знать, сколько раз я запиралась в ванной на несколько минут только для того, чтобы умыться, привести себя в порядок и выйти к сыну с

нормальным лицом.

А потом вернулся Гордей.

И рядом с ним тоже пришлось делать вид, что все давно прошло. Спокойно смотреть ему в глаза, разговаривать, спорить, язвить в ответ и каждый раз прятать то, что не должно было вылезти наружу спустя столько лет.

Последние дни окончательно выбили почву из-под ног. После удара Артема я поехала фиксировать побои, потому что нужно было думать о будущем. Потом разговаривала с адвокатом, собирала документы, пыталась составить хоть какой-то план и понять, как защитить Федю.

А сегодня Гордей узнал правду.

Все это время находилось что-то важнее слез. Работа, сын, развод, документы, необходимость держать лицо перед людьми, которые не должны были видеть, насколько мне тяжело.

Сейчас впервые ничего делать не нужно, поэтому я просто плачу. Слезы попадают на разбитую губу, и та начинает неприятно щипать. Я вытираю лицо рукавом, но через минуту щеки снова мокрые.

Перед глазами появляется Гордей со свидетельством в руках. Я помню его растерянный взгляд. В тот момент от привычной уверенности в нем почти ничего не осталось, и сейчас, вспоминая его лицо, я впервые по-настоящему чувствую, что сделала с ним эта правда.

Я сделала это с ним.

И сколько бы причин у меня ни было тогда, сейчас я понимаю, что Гордей все равно имел право знать.

Не знаю, сколько сижу на полу, но в какой-то момент слезы заканчиваются сами. Остается только тяжелая голова, заложенный нос и мерзкая слабость во всем теле. Поднимаюсь, держась рукой за край дивана, и иду в ванную.

В зеркало лучше на себя не смотреть. После слез глаза опухли, кожа вокруг носа покраснела, а следы от удара Артема никуда не делись. Губа выглядит уже лучше, чем в субботу, но все еще заметно разбита. Царапина на щеке тоже не исчезла. Умываюсь холодной водой, осторожно промокаю лицо полотенцем и возвращаюсь в гостиную.

Мне нужно с кем-нибудь поговорить. Рассказать вслух, что Гордей теперь знает, выплеснуть все, что накопилось за этот вечер, потому что одной переварить случившееся сейчас кажется невозможным.

Первым человеком, о котором я думаю, становится Влада. Она знает эту историю с самого начала. Знает, что произошло между нами с Гордеем десять лет назад, чей Федя сын и почему я столько лет молчала. С ней мне не придется начинать издалека или объяснять то, на что сейчас просто не осталось сил.

Взяв в руки телефон, нахожу ее номер и нажимаю на вызов.

– Привет, – отвечает она спустя пару длинных гудков. – Ты как?

– Гордей знает.

На мгновение в трубке повисает тишина.

– Про Федю? – уточняет она тише.

– Да.

1.2

– Как?

Сев на диван, рвано выдыхаю и начинаю рассказывать. Слова сначала путаются, несколько раз приходится останавливаться, чтобы собраться с мыслями и продолжить.

Сбивчиво объясняю, что оставила на столе документы для развода вместе со свидетельством о рождении Феди. Гордей увидел дату, сопоставил ее с нашей единственной ночью и сам все понял. До ссоры дохожу уже не так подробно – сил пересказывать каждую реплику просто нет. Впрочем, Владе хватает и этого, чтобы понять, чем закончился разговор.

– Я сейчас приеду, – говорит она.

Пальцы сами касаются разбитой губы.

– Не надо. Я все еще болею, а ты беременная. – слышу, как она фыркает, поэтому добавляю: – Влад, пожалуйста. Я правда не хочу, чтобы ты от меня что-нибудь подцепила.

Простуда здесь очень кстати. Можно сослаться на нее и не придумывать ничего другого, потому что настоящая причина совсем не в том, что я боюсь заразить Владу.

Если она сейчас приедет, то сразу увидит мою губу и щеку. Придется объяснять, что произошло в пятницу, почему я ничего ей не рассказала и что Артем действительно поднял на меня руку.

Я пока не готова еще к одному разговору. Сегодня с меня

хватит правды.

– Хорошо, – наконец сдается Влада. – Но, если тебе станет хуже, позвони.

– Позвоню, обещаю.

В трубке снова повисает тишина. Выговорившись, я чувствую себя немного спокойнее, хотя тяжесть после разговора с Гордеем никуда не делась.

– Гордею нужно все рассказать, – говорит Влада.

– Знаю, – вздыхаю. Только понятия не имею, как.

– Спроси у него, что он хочет знать. Может спрашивать, а ты отвечать, – предлагает она.

Возможно, она права. По крайней мере, мне не придется самой решать, с чего начинать и какие подробности ему нужны.

– Он знает, что ты и Артем были в курсе.

– Ты сказала?

– Он спросил.

Снова вспоминаю лицо Гордея после моего признания. До этого он был злым и растерянным, но имя Артема словно окончательно выбило его из равновесия. Девять лет мой муж знал, чей Федя сын, пока сам Гордей даже не подозревал о его существовании.

– Я сделала ему больно, Влад.

– Да, – тихо отвечает она. – Но у тебя были причины поступить именно так.

– Были.

– Вот о них и расскажи. А дальше пусть сам решает, может он тебя понять или нет.

Прижимаю колени к груди и расфокусированным взглядом смотрю в одну точку.

– Мне страшно даже не из-за этого.

– Из-за Феди?

– Да, – подтверждаю хрипло. – Я не представляю, как мы ему скажем.

У Феди есть папа. Он любит Артема, доверяет ему и всю жизнь считает его своим отцом. Теперь рядом должен появиться Гордей, и я понятия не имею, как сын отреагирует на правду и что почувствует, когда поймет, что я скрывала ее от него тоже.

– Больше всего я боюсь сделать больно Феде.

– Тогда не торопитесь, – отвечает Влада. – Сначала поговори с Гордеем.

Из трубки доносится шум, а следом голос Мстислава.

– Это Мстислав?

– Да.

– Влад...

– Ничего не скажу. Но если Гордей сам ему расскажет, я уже ничего не смогу сделать.

Теперь это уже не только моя тайна и я не имею права требовать от Гордея хранить ее ради моего спокойствия.

– Я понимаю.

– А от меня он ничего не узнает.

– Спасибо.

Мы разговариваем еще несколько минут. Влада снова предлагает приехать, но я отказываюсь и обещаю позвонить завтра после того, как Гордей уедет. После разговора остаюсь на диване с телефоном в руке и смотрю в темное окно.

В квартире тихо. Две чашки с давно остывшим чаем так и стоят на столе, а рядом с ними лежат документы, из-за которых сегодняшний вечер закончился совсем не так, как я ожидала.

Потянувшись, беру свидетельство о рождении.

Горев Федор Артемович.

Я сама согласилась, чтобы в этой строчке появилось имя Артема. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Он любил меня, знал о беременности и сам предложил стать отцом ребенку другого мужчины. Я была напугана, обижена и отчаянно хотела построить жизнь, в которой однажды все встанет на свои места.

Не встало.

Я так и не смогла полюбить Артема, сколько ни убеждала себя, что чувства могут прийти позже. Брак, который должен был стать началом нормальной жизни, постепенно превратился в то, из чего теперь приходится искать безопасный выход.

А сегодня я увидела лицо Гордея в тот момент, когда он понял, сколько лет у него отняли.

Когда-то он сам оттолкнул меня и сделал все, чтобы я по-

верила, что та ночь ничего для него не значила. Потом уехал, а о беременности я узнала уже без него. В девятнадцать лет мне казалось, что этого достаточно, чтобы молчание стало правильным решением.

Но девятнадцать мне было только тогда.

Потом мне исполнилось двадцать, двадцать три, двадцать пять. Каждый следующий год я снова выбирала ничего ему не говорить.

Поступок девятнадцатилетней девчонки, которая была влюблена, отвергнута и узнала о беременности, когда он уже находился за границей я еще могу объяснить. Гораздо труднее будет объяснить все последующие годы.

Глава 2

Гордей

Кнопка запуска двигателя находится в нескольких сантиметрах от моей руки. Нужно просто нажать. Но я сижу за рулем уже около получаса и не могу заставить себя это сделать.

В ушах стоит тонкий неприятный звон, сердце колотится быстро и тяжело, а пальцы до сих пор слегка дрожат. Сжимаю их на руле, разжимаю, снова смотрю на кнопку.

Федя мой сын.

Не так давно я произнес эти слова вслух и до сих пор не понимаю, как они вообще могут быть правдой.

Федя.

Темноволосый кареглазый пацан, которого я впервые увидел совсем недавно в доме Владимира Сергеевича. Тот самый мальчишка, который без остановки что-то рассказывал за столом, потом гонял со мной мяч и каким-то образом за несколько встреч успел стать мне ближе, чем большинство детей, с которыми я когда-либо общался.

Мой сын.

Закрываю глаза и откидываюсь затылком на подголовник. Передо мной снова возникает свидетельство о рождении.

Горев Федор Артемович.

Дата.

Я несколько раз возвращался взглядом к дате рождения,

хотя цифры уже отпечатались в голове. Считал месяцы, проверял себя, потом считал снова, надеясь, наверное, что где-то ошибся.

А потом появилась Азалия. Наверное, какая-то часть меня до последнего ждала, что она скажет, что я ошибся и существует другое объяснение, о котором мне просто не известно.

Открыв глаза, смотрю на темные окна дома. Где именно ее квартира, отсюда почти не видно. Нужно выйти из машины, отойти немного в сторону, поднять голову.

Мне хочется вернуться. Подняться обратно, позвонить в дверь и потребовать закончить разговор. Я ушел, потому что она попросила, хотя внутри все сопротивлялось этому решению. Теперь каждая минута без ответов раздражает сильнее предыдущей.

Почему она промолчала? Зачем вышла замуж за Артема и позволила ему записать Федю на себя, хотя он знал, чей это ребенок? Как получилось, что Влада знала, а Мстислав и Владимир Сергеевич – нет?

Но больше всего мне интересно другое – почему, черт возьми, за все эти годы Азалия ни разу не решила, что я тоже имею право знать? Резко открыв дверь, выбираюсь из машины.

Вечерний воздух немного приводит в чувство. Достāju сигареты, закуриваю и только после первой затяжки замечая, насколько сильно дрожит рука.

От этого становится не по себе. Не помню, когда меня последний раз трясло настолько, чтобы я не мог это контролировать.

Прислоняюсь бедром к машине и запрокидываю голову. Теперь ее окна видно. Свет горит. Между нами несколько этажей, подъездная дверь и разговор, который Азалия только что отказалась продолжать.

Затягиваюсь еще раз.

Я могу вернуться, подняться и позвонить. Если не откроет – позвонить еще раз. И все-таки заставить ее закончить этот разговор.

Отталкиваюсь от машины и делаю несколько шагов к подъезду. Но перед глазами тут же появляется воспоминание – я подхожу к ней, а Азалия отступает.

Останавливаюсь. Несколько секунд смотрю на дверь, потом тихо матерюсь и возвращаюсь к машине.

Нет. Она попросила меня уйти. И я ушел.

Иначе какой смысл был останавливаться там, наверху, когда она отступила от меня? Чтобы спустя полчаса вернуться и показать, что ее просьба ничего не значит, если мне очень нужны ответы?

После того, что сделал Артем, ей этого точно хватило.

Докуриваю сигарету почти до фильтра, тушу и сразу достаю следующую. Обычно две подряд я не курю. Сейчас мне плевать.

Вторая немного успокаивает руки, но голова яснее не ста-

новится.

Федя мой сын.

Эта мысль возвращается с каким-то издевательским постоянством, словно мозг боится, что я забуду.

Девять лет.

Я ведь даже возраст его угадал почти сразу. Сказал Илье, что Феде лет девять, а тот после этого еще долго рассматривал нашу фотографию. Тогда его интерес показался странным. Видимо, сходство он заметил раньше меня.

Перед глазами возникает наша первая встреча. Федя сидит в гостиной у Владимира Сергеевича и размахивает руками, едва не снося стакан со стола. Я смотрю на него и думаю, что внешность у мальчишки какая-то до боли знакомая. Потом перевожу взгляд на Мстислава, на Владимира Сергеевича и нахожу объяснение.

Гены Горевых.

Тогда мне даже в голову не пришло искать в нем себя. Да и с чего бы?

Когда Азалия вышла замуж, я уже был за границей. О существовании Феди узнал только после возвращения. Увидел сына женщины, с которой когда-то переспал одну ночь, и спокойно решил, что его отец – ее муж.

Наверное, человеку вообще не приходит в голову искать собственные черты в ребенке, о существовании которого он не знает.

Отбрасываю окурок и возвращаюсь в машину. На этот раз

руку к кнопке запуска даже не тяну. Беру телефон. Экран ярко загорается, заставляя прищуриться. Несколько секунд просто смотрю на него, потом открываю контакты.

Мстислав.

Палец зависает над вызовом.

Мы знаем друг друга столько лет, что я давно перестал считать. В моей жизни было не так много вещей, о которых Мстислав не знал. Даже когда я жил за тысячи километров отсюда, мог набрать его среди ночи, если действительно случилось что-то серьезное.

Сейчас случилось. У меня есть сын.

Твой племянник – мой сын.

От одной мысли произнести это вслух снова начинает звенеть в ушах.

Но нажать вызов я не успеваю, потому что вспоминаю, что Мстислав ничего не знает. Как и Владимир Сергеевич. Из них всех правду все эти годы знала только Влада.

2.1

Убираю палец от экрана и делаю глубокий вдох.

Что я вообще ему скажу? Что только что случайно нашел свидетельство о рождении Феди и выяснил правду, которую его сестра скрывала от него почти десять лет? А потом начнутся вопросы, на которые у меня самого нет ни одного ответа.

Листаю список контактов еще раз. Дохожу до конца и начинаю пролистывать снизу вверх.

Илья.

Здесь все проще. Он знает про ту ночь. Не все, конечно, но достаточно, чтобы мне не пришлось начинать историю с самого начала. Я могу позвонить ему прямо сейчас и сказать всего несколько слов.

Нажать на вызов проще, чем на кнопку запуска двигателя. Но палец так и остается над экраном.

Это уже не только моя новость. Стоит рассказать Илье, и я расскажу заодно то, что Азалия девять лет скрывала от всех, кроме Влады и Артема. И как бы я ни злился на нее за молчание, поступить сейчас точно так же и решить за нее, кому можно знать правду, будет неправильно.

Тем более я сам пока знаю только часть этой истории. Все остальное мне еще только предстоит узнать.

Экран гаснет и я, подняв голову, утыкаюсь взглядом в од-

ну точку.

Сначала я поговорю с Азалией. Выслушаю все, что она не смогла рассказать сегодня, а уже потом буду решать, кому и что говорить.

Откладываю телефон на пассажирское сиденье и наконец нажимаю кнопку запуска. Двигатель оживает и можно ехать домой. Но вместо этого я сижу, положив руки на руль, и думаю совсем о другом адресе.

Дом Владимира Сергеевича. Федя сейчас там.

Я знаю дорогу, ворота, двор, каждую комнату в этом доме и могу оказаться там довольно быстро.

Увидеть его.

Желание настолько сильное, что я уже переключаю передачу. Но снова останавливаюсь.

Что дальше?

Приеду, позвоню в дверь. Владимир Сергеевич удивится, но впустит. Федя, скорее всего, обрадуется. Спросит, зачем я приехал. А я что ему отвечу?

«Хотел посмотреть на тебя, потому что час назад узнал, что я твой отец»?

Сжав руль, стискиваю зубы.

Нет. Он ничего не знает. Сейчас для Феди я просто Гордей. Друг его семьи, который недавно вернулся в Калининград. Мужик, с которым можно погонять мяч и поговорить о всякой ерунде.

У него есть отец. Артем. От одной мысли о нем челюсть

сводит.

Артем знал с самого начала. Он женился на Азалии, прекрасно понимая, чей ребенок у нее будет, записал Федю своим сыном и все эти годы был рядом с ним. А я жил на другом конце света и даже не подозревал, что стал отцом.

Какого черта?

Зачем ему это было нужно?

Почему он согласился?

И почему Азалия согласилась тоже?

Ответов нет.

Есть только лицо Артема за семейным столом. Он разговаривал с Федей, слушал его, задавал вопросы и вел себя рядом с ним совершенно естественно.

Потому что для него это и есть естественно. Он растил Федю девять лет.

Это раздражает настолько, что хочется ударить по рулю, но я только сильнее сжимаю пальцы.

Можно сколько угодно повторять про себя, что Федя мой сын. Только если сейчас меня спросить, что он любит есть на завтрак или какой у него любимый фильм, я не отвечу.

Артем ответит.

Именно он был рядом, когда Федя болел. Наверняка учил его кататься на велосипеде, водил в первый класс, помогал с уроками, покупал подарки, ругал, мирился, забирал откуда-то и отвозил куда-то.

Обычные вещи. Те, которых у меня с Федей никогда не

было.

Девять лет невозможно вернуть одним фактом биологического отцовства. И если я сейчас сорвусь к Владимиру Сергеевичу только потому, что мне необходимо увидеть Федю, легче станет исключительно мне. Ему я могу сделать только хуже.

Выключаю передачу, хотя машина так и не тронулась с места.

Домой.

Сегодня нужно ехать домой. Завтра я поговорю с Азалией. А потом мы решим, когда и как рассказать обо всем Феде. «Мы».

Странно думать о нас с Азалией в таком контексте, но теперь иначе уже не получится. Все, что касается Феде, нам придется решать вместе.

Провожу ладонями по лицу и наконец, переключив передачу и выкрутив руль, выезжаю со двора.

Первый нужный поворот пропускаю минут через десять. Понимаю это только на следующем светофоре и чертыхаюсь себе под нос. Приходится сворачивать и возвращаться, но через несколько минут я снова ухожу не туда.

Сосредоточиться на дороге получается откровенно хреново.

На следующем перекрестке ухожу вправо, хотя нужно было влево.

— Да что за...

Замолкаю на полуслове.

Конечно, можно сколько угодно делать вид, что я веду машину. Но на самом деле последние несколько минут я опять нахожусь в гостиной Азалии.

«Да».

Одно короткое слово, которое она тихо произнесла, но я, наверное, до конца жизни буду помнить, как именно оно прозвучало.

Я злюсь на Азалию настолько, что несколько раз возникает желание развернуться и все-таки вернуться к ней. Мне нужны нормальные ответы, а не несколько фраз, которые она успела сказать перед тем, как попросила меня уйти.

Ей тогда было девятнадцать. Я хорошо помню то утро. Азалия только проснулась, посмотрела на меня и улыбнулась, а потом обняла за шею и потянулась за поцелуем. Я хотел ответить. Черт, еще как хотел. Но вместо этого отстранился, встал с кровати и сказал ей, что мы поторопились и это было ошибкой.

Я специально говорил жестко, потому что боялся оставить ей хоть какую-то надежду. А через время уехал за границу, уверенный, что поступил правильно.

2.2

О беременности Азалия узнала, когда меня уже не было в стране. Если представить ее тогда, злость немного отступает. Но совсем ненадолго. Потому что девятнадцатилетнюю Азу я еще могу попытаться понять. Но ей не всегда было девятнадцать.

Прошел год.

Потом другой.

Она вышла за Артема, родила ребенка, растила его, жила своей жизнью. А мой номер не менялся. Мстислав знал, где я и Владимир Сергеевич знал. Если бы Азалия захотела меня найти, ей даже искать не пришлось бы.

Она просто не захотела.

От этой мысли внутри снова начинает закипать и я сжимаю руль сильнее.

Хотя и здесь я пока знаю только половину истории. Может быть, даже меньше. Сегодня она впервые сказала, что Артем знал еще до свадьбы. Больше ничего объяснить не успела или не захотела.

Но завтра объяснит.

Я не собираюсь снова уходить с несколькими фразами вместо ответов.

Нахмурившись, осматриваюсь по сторонам и обнаруживаю, что успел проехать еще один поворот.

Нервно усмехаюсь, проведя рукой по волосам.

Прекрасно. Если так пойдет дальше, к утру окажусь где-нибудь в области. Сворачиваю на ближайшей улице и заставляю себя следить за дорогой. Но это тоже не помогает.

Теперь я вспоминаю каждую нашу встречу с Федей и пытаюсь понять, мог ли заметить хоть что-нибудь раньше. Хотя откуда? Я даже не подозревал, что у Азалии мог родиться мой ребенок.

Эта мысль уже приходила в ее квартире, когда я смотрел на свидетельство, и сейчас снова не дает покоя. Все эти девять лет я жил своей жизнью, пока где-то совсем рядом рос мой сын. Я ничего не выбирал и ни от кого не отказывался. Я просто не знал о его существовании.

Только легче от этого ни хрена не становится, а колючая проволока сильнее затягивается на грудной клетке.

Домой добираюсь намного позже, чем должен был.

В квартире темно. Включив свет в прихожей, снимаю обувь и прохожу в комнату.

Здесь ничего не изменилось с утра. Поло валяется на спинке кресла, куда я бросил его перед работой, на журнальном столике лежат документы, которые просматривал за завтраком. Проходя мимо кухни, замечаю оставленную на столе чашку.

Обычный беспорядок, на который в любой другой день я бы даже не обратил внимания.

Утром я вышел отсюда человеком, у которого не было де-

тей. Теперь возвращаюсь отцом девятилетнего мальчика.

А вокруг все то же самое.

Странное ощущение.

Прохожу на кухню и открываю холодильник. Несколько секунд смотрю внутрь, хотя есть совершенно не хочется.

Беру бутылку воды. Выпиваю почти половину прямо из горлышка, ставлю обратно и понимаю, что все еще держу дверцу холодильника открытой.

– Соберись, – рывкаю на себя, а голос в пустой квартире звучит непривычно громко.

Закрываю холодильник и иду в спальню. Телефон остается на кухонной столешнице, но так даже лучше.

Не позвоню Мстиславу, Илье и уж точно не наберу Азалию через полчаса, потому что внезапно решил, что дал ей достаточно времени прийти в себя.

Она сказала: «завтра», значит, завтра.

Снянув одежду, иду в душ. Горячая вода впервые за весь вечер немного расслабляет мышцы. Быстро моюсь, а потом упираюсь ладонями в стену, опускаю голову и еще какое-то время просто стою под струями, ни о чем не думая. По крайней мере, пытаюсь.

Получается минуты на две. Потом перед глазами опять появляется Федя.

Интересно, что он сейчас делает? Спит? Наверное, уже должен. Во сколько он вообще ложится? Не знаю.

Вопрос настолько простой, что от него становится тяже-

лее, чем от половины сегодняшнего разговора.

Я не знаю, во сколько мой сын ложится спать. Не знаю, что он делает по утрам первым делом. Что любит на завтрак. Какую музыку слушает. Есть ли у него лучший друг. Что он просил на последний день рождения.

Я знаю, что он любит футбол. И что хотел в аквапарк. Не густо для отца.

Закрываю воду, вытираюсь, натягиваю домашние штаны и возвращаюсь на кухню. На часах уже поздно. Завтра рабочий день и мои обязанности никто не отменял.

Утром придется встать, приехать в офис, разбирать документы, отвечать на звонки, обсуждать создание холдинга, заниматься «Вест Лайн» и делать вид, что способен хотя бы несколько минут подряд думать о чем-то другом.

Возможно, появится Илья с очередной информацией, и мне придется сидеть напротив него и молчать. По крайней мере, пока. Прежде чем рассказывать кому-либо о Феде, я хочу услышать всю историю от Азалии.

Беру телефон и открываю нашу переписку. Последних сообщений немного. Несколько секунд смотрю на строку ввода, пытаюсь придумать, что написать.

«Ты не спишь?»

Идиотизм. После сегодняшнего мы оба вряд ли нормально уснем.

Закрыв переписку, откладываю телефон. Сегодня я уже дал ей время, которого она просила. Наверное, оно нужно и

мне самому. А завтра мы продолжим разговор. Я хочу знать, когда она поняла, что беременна, что происходило после моего отъезда и как рядом с ней оказался Артем. Хочу понять, почему она согласилась записать Федю его сыном и за девять лет ни разу не решила рассказать мне правду.

Вопросов пока намного больше, чем ответов, но главное я уже знаю. Федя – мой сын.

Глава 3

Азалия

Гордей: «Буду через сорок минут».

Смотрю на сообщение и чувствую, как сердце начинает биться быстрее, а ладони потеют.

Вот и все.

Я ждала Гордея весь день. Знала, что он приедет и сама вчера пообещала рассказать все, но теперь, когда на экране появились эти четыре слова, хочется попросить еще немного времени.

Хотя куда уж больше. У меня было почти десять лет.

Кладу телефон на кровать и перевожу взгляд на раскрытый чемодан. Внутри лежат несколько футболок Феди, шорты, белье и толстовка, которую я зачем-то положила туда минут десять назад, несмотря на то что на улице лето. Вынимаю ее. Потом достаю две футболки, смотрю на них и кладу обратно.

Я занимаюсь этим уже почти час.

Сначала решила, что нужно хотя бы начать собирать вещи Феди, если все-таки отправлю его вместе с папой и Наной за границу. Потом поняла, что понятия не имею, куда именно они поедут, на сколько и сколько вещей вообще понадобится. Открыла сайт авиакомпании, посмотрела несколько направлений, закрыла. Через полчаса снова открыла.

Ничего не выбрала.

Зато синюю футболку с футбольным мячом успела положить в чемодан и достать из него раза четыре. В пятый раз оставляю ее внутри и захлопываю крышку.

Сорок минут.

Теперь уже тридцать восемь.

Телефон лежит рядом. Беру его, хотя прекрасно знаю, что новых сообщений нет. Но всю ночь делала то же самое.

После разговора с Владой уснуть удалось только под утро. Несколько раз проваливалась в короткий тяжелый сон, просыпалась, нащупывала телефон на тумбочке и смотрела на экран. Не знаю, чего ждала. Сообщения от Гордея? Звонка? Что он передумает ждать до следующего дня и снова придет?

Наверное, боялась именно последнего.

И одновременно ждала.

Утром голова болела так, словно ночью я не лежала в кровати, а разгружала вагоны. Нижняя губа тоже начала ныть. Вчера я весь вечер то и дело прикусывала ее и в какой-то момент опять растревожила рану. Утром на ней запеклась кровь. Теперь стоит случайно провести языком по поврежденному месту, как начинает неприятно щипать.

Я сварила кофе, выпила почти остывшим и только ближе к обеду поняла, что это все, что сегодня было у меня вместо еды. Заставила себя сделать бутерброд, но он так и остался лежать на тарелке.

Федя звонил после завтрака. Веселый и довольный, рассказывал, как они с дедом собираются куда-то ехать, потом Нана позвала его, и он быстро попрощался.

Слушая сына, я думала только о том, что теперь все изменилось.

Гордей знает.

Стоит снова подумать об этом, как желудок скручивает, а пальцы начинают дрожать. Я столько лет боялась именно этого момента, представляла его десятками разных способов, а в итоге все произошло из-за свидетельства о рождении, которое я сама оставила на столе.

Дура.

Хотя ругать себя за документы уже поздно. Даже если бы вчера Гордей ничего не увидел, сколько еще я собиралась молчать?

До развода?

После?

Пока он сам не начал замечать в Феде что-нибудь знакомое?

В какой-то момент снова беру телефон и открываю почту. Письмо от Ирины Савельевой я сегодня перечитывала уже несколько раз, но снова нажимаю на него.

Ирина прислала ответ после обеда. Она посмотрела документы, которые я отправила, и написала, что хочет отдельно обсудить со мной несколько моментов до того, как мы начнем предпринимать официальные шаги. Медицинские доку-

менты просит сохранить вместе с оригиналами, а все, что касается Феди, предлагает разобрать отдельно, потому что юридически его отцом является Артем.

Последнюю строчку я сегодня перечитала столько раз, что почти запомнила дословно.

Юридически его отцом является Артем. Фактически для Феди тоже. И от этого никуда не деться.

А теперь есть еще Гордей.

Закрыв письмо, снова смотрю на чемодан. Отправить Федю с папой и Наной все еще кажется правильным решением. Хотя бы ненадолго. Артем сейчас в Китае, но вернется, а после пятницы я больше не хочу проверять, насколько далеко он способен зайти, если поймет, что я действительно собираюсь разводиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.